

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Глядя на него, сердобольные тетеньки у экрана невольно смахивают скупую материнскую слезу. Неуклюжий смешной человечек, интеллигентный очкарик, безнадежный романтик — именно таким его запомнили по всенародно любимым "Покровским воротам". С такой внешностью, кажется, ему на роду было написано ходить в вечных неудачниках. А между тем Анатолий Равичук, хоть и не избалован лучами вселенской славы, на судьбу не в обиде.

Он счастливый отец семейства и обладатель молодой красавицы жены, известной актрисы Ирины Мазуркевич, не забыт кинорежиссерами (кроме знаменитого Хоботова он запомнился зрителю в образе кардинала Мазарини и Эрколе Пуаро), является ведущим актером питерского Театра комедии (среди его ролей на сцене: Карлсон, Мармелад, Санчо Панса, Фирс, Журден и т.д.). Хотя началась его ныне довольно успешная актерская жизнь именно с курьеза. Юного Толю Равичука никак не хотели принимать в Ленинградский театральный институт и сжалились над бедолагой лишь благодаря тому, что он до слез напешил приемную комиссию пением патристических песен. Поначалу Равичук пытался играть героев, к чему его вынуждала, как он сам вспоминает, его "смазливая внешность". Но после того как в одном из студенческих этюдов он изобразил мышку (сидел за сценой и "скребся" на все лады), всем стало ясно: его призвание — комедия.

— Я пришел в Театр Ленсовета в 26 лет, после окончания Ленинградского театрального института, отпахав свое в провинциальных театрах. И поступил в театральный вуз я с первого раза, потому как решил для себя: дважды поступать туда не стану. Стыдно с ходу не поступить в театральный вуз.

— Почему? Ведь многие из ныне популярных актеров штурмовали Щепки и ГИТИСы по несколько раз!

— Ну, разные люди, разные характеры... Многие себя не мыслят вне театра, испытывают настоящую страсть быть артистом. Но это не про меня — мне было совершенно наплевать. Передо мной стояла задача: обязательно устроиться в институт, причем абсолютно неважно в какой. Отец очень хотел, чтобы я получил высшее образование. Не поступи я в театральный — подался бы, наверное, в военное училище или реализовал свою юношескую мечту: устроиться водителем большегрузных дальнебойных машин. Таким солидным мне это представлялось: сидишь один, никого нет, смачный запах железа и здоровенный руль в руках, ты едешь куда-то вдаль — красотища, одним словом...

— В общем, на актерстве не зацкивались. Но, придя в Театр Ленсовета и отыграв в нем много лет, вы затем ушли искать актерского счастья в Театр комедии. С чем это было связано?

— Ну вы же знаете: всему на свете приходит конец. И пришел конец тому счастливому периоду в жизни, который связан с именем Игоря Владимировича. Он нас всех собрал, и с ним мы много лет шли вместе. Расцвет театра пришелся на период с 68-го по 75-й год, когда у нас работали Алиса Фрейндлих, Миша Боярский, Алексей Петренко, Лариса Малеванная, Анатолий Солоницын одно время... Но Владимирович постарел, и ему надоело все. Начался полнейший застой: не появлялись новые спектакли, выходили какие-то никому не нужные, случайные пьесы. Стало просто скучно. А наблюдать, как театр разваливается, невыносимо. Театр, куда раньше попасть было невозможно: чтобы достать билет, люди по полночи выстаивали в очередях!

— Но популярным артистом вас сделал не театр, а кино, а именно "Покровские ворота". И к тому времени вам исполнилось уже 46. Не обидно, что слава пришла так поздно?

— К тому времени я очень много сыграл, был ведущим артистом труппы. И известность ко мне пришла гораздо раньше. Естественно, питерского масштаба. Конечно, широкая популярность, которую дает только телевидение, пришла с "Покровскими воротами". До них я играл роли второго плана, какие-то эпизоды. Снимался по мелочам: у Климова в "Агонию", еще где-то. Но чтобы всерьез — нет. У меня даже некоторое сомнение зародилось: я, наверное, не снимаюсь не только потому, что мне нечего играть, а может, еще и потому, что недостаточно хорош. Собственно, я и не мог ничего играть в те годы, когда главным героем являлся колхозник или рабочий. Просто с моей фамилией и лицом желательнее было не показываться советскому зрителю. Меня же и в "Покровские ворота" взяли с определенными трудностями: фамилия у меня, дескать, неправильная.

— Но много же у нас было звезд

Анатолий РАВИЧУК: "В "Покровских воротах" я не играл, а мучился"

с "неправильными" фамилиями — Гердт, Ширвиндт, Гафт...

— Существовала квота — на поступление в театр, институт, на работу, и в том числе на съемки в кино: не должно быть в картине больше определенного процента евреев. Такое указание сверху. Скажем, евреи с русскими фамилиями еще как-то проскакивали. А с моей фамилией и рожей на что можно было рассчитывать?.. Поэтому на обсуждении моей кандидатуры на "Мосфильме", как мне рассказывал сам Козаков, был начальник актерского отдела Адольф Гуревич, который выполнял роль самого настоящего провокатора — он задавал такие вопросы, которые русскому человеку как бы не политкорректно задавать: "А почему Равичук? Это имеет какое-то отношение к национальности персонажа?" Козаков как-то ушел от ответа. Он снова: "А что, Михал Михалыч, мы снимаем еврейское кино?"

— Многие актеры не любят свои коронные роли, потому что их потом в другом образе не представляют. А уж своего Хоботова вы, наверное, должны просто ненавидеть.

— Ну почему же? У меня двойное отношение к Хоботову. Во-первых, я очень благодарен ему за то, что он избавил меня от комплекса неполноценности. Во-вторых, я стал известен режиссерам, и они обратили на меня внимание. А двойственное — потому, что я до сих пор не избавился от ощущения (наверное, ложного), что в "Покровских воротах" сыграл не я, а кто-то другой. Ведь я давным-давно привык, что в театре являюсь полноценным соавтором режиссера. Мы вместе делаем роль: он говорит стратегические вещи, а я уже их воплощаю. А здесь все подчинилось Козакову — вплоть до мимики, поворота головы, интонации. Михал Михалыч говорил: "Здесь ты смотришь сюда, а тут — сюда. Здесь ты говоришь тихо, а тут — громче". И мне это казалось странным, обидным, что я не как артист выступаю, а как натурщик, кукла, заяц, которого научили стучать лапками по барабану. Поэтому я не могу спокойно смотреть "Покровские ворота". Это был не я: я не играл — я мучился.

— Странно: от фильма веет легкостью, изяществом. Такое ощущение, что на площадке царила сплошная импровизация.

— Ложное ощущение. Ничего подобного. Очень тяжелая, нудная работа. Стояло жаркое лето. В натурной съемке, а это всегда дополнительные нервы, собираешь массу зевак, их разгоняют. Солнце ушло — солнце зашло... Суета. Ничего в той картине не было сверхординарного, из-за чего следовало бы ожидать такого грандиозного успеха.

— Сейчас с партнерами по "Покровским воротам" как-то общаетесь?

— Только если по работе. Недавно мы с Инной Ульяновой снялись вместе в фильме у Астрахана, а с Виктором Борцовым пару месяцев назад закончили фильм "Свадьба Кречинского". С Меншиковым виделись года три назад: он приезжал со спектаклем про Нижинского. Он пришел к нам домой, всю ночь сидели разговаривали, вспоминали бывшее. Очень славный человек, большая умница.

— А говорят, очень сложный человек.

— Я не знаю, в чем его сложность. Закрытый? Да, но это же не сложность. Просто он самодостаточный человек. Он уважает себя, свою профессию, не пры-

С женой Ириной Мазуркевич и дочерью Лизой.

гает как ненормальный, чтобы его фотографии всюду мелькали. Олег — человек с большим достоинством. Правильно он как-то сказал в интервью: "Я прежде всего человек, а потом уже артист".

— Ну, за Меншикова не стоит волноваться: он у нас звезда. А вы, если честно, никогда не жалели, что ваша карьера в кино сложилась не так, как бы вам хотелось?

— Конечно, можно было сделать и больше. Но я стал реалистом, научился смотреть на события, так сказать, немножко с другой стороны. Я считаю: то, что я снялся в "Покровских воротах", — удача несомненно. Пусть это будет всего одна такая роль, но в фильме, который известен всем и всеми любим. Многие наши популярные артисты снимаются гораздо чаще, но не выпали им счастливый случай с такой ролью и в такой картине. Вот Саша Демьяненко всегда очень сильно переживал, что все воспринимают его только как Шурика, хотя он очень много снимался. Я ему говорил тогда: "Саш, посмотри на это с других позиций... ты остался в памяти людей навечно. Ты — Шурик, это кино будет смотреть всегда. Ты себе памятник этим воздвиг, на что ж ты обижаешься?". Он так и остался Шуриком — ну а я пусть буду Хоботовым.

— Анатолий Юрьевич, у вас никогда не было желания перебраться из Питера в столицу, где все на виду?

— Нет, как ни странно, а вот предложения поступали. Меня и сейчас зовут в Москву, даже с жильем обещают помочь. Сначала я не переезжал, потому что очень любил свой Ленсовет. Этот театр для меня и тех людей, которые тогда там работали, всегда был самым настоящим домом — именно то, о чем мечтают все артисты. Театр, где мы друг друга любим, где не делили меж собой успеха. Мне ведь и Товстоногов когда-то предлагал в БДТ перейти — было очень лестно, но я все же отказался. Потом меня звал Хейфец в Театр Советской Армии, Валентин Плутчик предлагал перейти в Театр сатиры. А сейчас — уже поздно, не хочу. Я вообще питерский человек.

— А чем отличаются питерцы от москвичей?

— Знаете, Москва более прагматична. В Москве, если хочешь быть успешным, у тебя не остается времени на такие вещи, как дружба, праздность, с книжкой на диване поваляться например. У вас нельзя позволить, чтобы тебе

на ногу наступили, — впереди всегда должны идти в ход локти. В Питере же успех не так высоко ценится. Наверное, в этом заключается некая провинциальность Питера. У нас нет такого циничного отношения к жизни.

— И у вас не было такого же приступа неудовлетворенных амбиций, как у Хоботова: "Я мог бы книги писать..."

— Да, он говорил: "Я слишком мало желал. Бил себя по рукам, когда чего-то хотел. Я себе говорил: куда ты лезешь?..". Но это не про меня. Я вполне удовлетворен своей профессией. Хотя часто задаю себе вопрос: а кем бы я мог быть? Может, военным или юристом. Мой покойный отец всегда выступал против того, чтобы я шел в артисты. Он вырос на Украине, в маленьком городке. Говорил: "Ты не понимаешь, что такое артист! У нас в городе Глухове, когда приезжали артисты, бабы белье с веревки снимали, потому что первое, что делали артисты, — это воровали. Толя, это не мужская профессия..." Потом я понял, что она действительно не мужская: все время приходится от кого-то зависеть, как женщине. Ты должен нравиться кому-то, все время чего-то доказывать именно в эмоциональном плане. Можно годами ничего не делать, сидеть на шее у жены... Но считаю, что и в театре, и в кино я прожил как мужчина, потому что всегда вкалывал до изнеможения, до пота. Как грузчик приходил домой — выкладывался от звонка до звонка. Это и есть оправдание.

— Вы познакомились со своей нынешней женой, известной актрисой

очень здоровый человек: инфаркт, шунтирование, артроз... Да и кто я такой, чтобы за меня держаться, — у меня нет каких-то безумных денег. Мы жили в коммуналке, в комнатухе — 9 метров, там у нас и родилась дочь. Это был старый питерский дом, высота потолка 4,5 метра. И мы сделали наверку антресоль и бросали туда дочку на ночь спать. Так продолжалось два года.

— После рязановского фильма "О бедном гусаре замолвите слово" в Ирину, красивую хрупкую девушку, влюбилось чуть ли не полстраны. С ума не сходили от ревности?

— Я считаю, у Иры существует право на свою личную жизнь. Вот есть две категории мужей — одни из командировки специально возвращаются пораньше на день, чтобы жену застукать, а другие звонят заранее с вокзала и говорят: я приехал. И я — из вторых. В нашей семье существовала одна проблема лет десять назад. Ира увлеклась каким-то человеком, но я отнесся к этому совершенно нормально, не лишил ее выбора. Никакого давления с моей стороны не было. Ведь можно топтать человека, а можно отнестись к нему с уважением. Ира не сделала ничего такого, что дало бы повод надо мной смеяться или тыкать пальцем. Поэтому мое достоинство никаким образом не пострадало.

— А Ирина вообще по жизни жесткий человек?

— Не могу так сказать. Она очень организованный человек. Я поймал себя как-то на мысли, что мне не страшно ее оставлять одну после своей смерти: она не пропадет. У нее есть воля, есть хватка, есть умение. Если вдруг не театр — будет что-то другое. Сядет за руль, наймет в какую-нибудь организацию и будет возить. Она очень энергичный человек.

— Вы не ощущаете, что в семье она — глава?

— Да, а что в этом особенного? Она все помнит: когда гастроли, где чего лежит. У меня сейчас два проекта — она разговаривает с обеими киногоруппами, сроки им назначает за меня. А я с удовольствием подчиняюсь, потому что человек довольно неряшливый — в смысле могу что-то и подзабыть. Ко всему прочему, я не имею никакого отношения к деньгам, не знаю, как они тратятся. Ира, конечно, советует со мной, если речь идет о большой покупке — ходим вместе, выбираем. Но мне, например, совершенно наплевать, как я одет. Было бы чисто. А она начинает: "Надень это, надень то..." Единственное, что я сам выбираю, — галстуки.

— Это немного похоже на отношения мамы с сыном. Признаться: вы, наверное, жуткий лентяй?

— Не знаю, может, вы и правы. Но у меня такой образ жизни. Бывает, просто лежишь и о чем-то размышляешь. О всякой ерунде, а иногда — и о не ерунде. Когда болеешь серьезно, невольно приходит мысль: жизнь твоя как бы кончается, а что ты сделал, для чего ты жил?.. И лучшим местом для таких размышлений является диван с книжкой.

— А ваша дочь в кого пошла?

— Вы знаете, Лиза совершенно не похожа ни на меня, ни на Иру. Мы когда принесли ее из роддома — соседка сказала: "О, видать, отец вьетнамец!" — чьи волосы, густые, которые у новорожденных редко бывают, и немножко раскосые темные глаза. Сейчас ей уже 21 год, учится на четвертом курсе Института сервиса и экономики. Будет менеджером по туризму, гостиничному бизнесу. Она из другого поколения — совершенно нормальная современная девушка.

Маргарита Павлова: "Это мой крест!" (Кадр из фильма "Покровские ворота".)

Ириной Мазуркевич, уже в довольно солидном возрасте и бросили ради нее семью.

— Да, так получилось. Ира приехала из Горьковского училища. Снялась в фильме "Арап Петра Великого" и еще в "Чуде с косичками" — про гимнастку Ольгу Корбут, и Владимиров пригласил ее к нам в театр. Ей было тогда 19, мне — 41. Мы стали репетировать, и такое случилось: я влюбился. Проклинал, ругал себя. Мне даже в голову не приходило, что между нами что-то может быть. Ведь у меня была семья: дочь, которую я любил и любил до сих пор, жена очень хорошая... Помню, у нас в театре Старый Новый год отмечали, 78-й год: банкет, танцы-шманцы... Мы с ней танцевали, и, будучи выпивши, как-то незаметно объяснились. И у нас сразу начался роман, который длился около года. Причем она стала инициатором. Всем было непросто: и мне, и моей бывшей жене, да и Ире — у нее самой был муж.

— А большая разница в возрасте с молодой женой — 21 год — вас не пугала?

— Нет. Тут такое счастливое стечение обстоятельств. У меня все время присутствовало ощущение, что мне очень повезло в жизни. Что жизнь мне сделала такой подарок в виде Иры, женщины, которую я очень люблю, которая мне подарила свою молодость и красоту. Ощущение, что я получил подарок неизвестно за что, как чудо какое-то. И, наверное, в наших отношениях это до сих пор присутствует. Я поражаюсь тому, что Ира выбрала меня. Я ведь не

— Вы, наверное, не строгий отец? Балуете дочурку?

— Конечно, воспитанием ее занимается только Ира.

— А вы для нее кто?

— А я даже не знаю. Дедушка на печке — у меня иногда возникает такое ощущение.

— Говорят, возраст мужчины определяется возрастом его женщины. Согласны?

— Может быть. Молодая жена — невольно приходится быть молодым. Подтянутым внутренне, но без молодости: не играть! Я такой, какой я есть, — я хочу быть лучше, но я ничего своего не прячу. Конечно, хочется нравиться и жене, да и вообще женщинам.

— Леность, неряшливость, первенство жены... Что-то уж больно вы напоминаете вашего Хоботова. Не считаете?

— Нет, совершенно непохож. В отличие от него я всю жизнь сам принимаю решения. И то, что жена мною, можно сказать, командует, — тоже было мое решение. В этом для меня в конечном счете — высшее проявление ее любви и заботы. И это мне нравится. Но я никогда бы не позволил управлять собой против своей воли. Во мне есть жесткость. Я не склонен по натуре к плохому, но особые обстоятельства меня иногда вынуждают быть плохим человеком, хотя сам по себе я не злой. Я никогда не начну агрессивно вести себя, если меня на это не провоцируют.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Работа для Меломанов 19.10.02